

После голодной ночи горячий, источающий умопомрачительный аромат куриный бульон казался настоящим чудом. Цин И невольно подумал, что простая сытость, избавление от грызущего голода — пожалуй, и есть величайшее счастье в поднебесном мире. И всё же...

— Ваше... Ваше высочество, когда на меня так смотрят... — Цин И бережно прижал к себе пиалу с бульоном и смущённо улыбнулся.

Цюй Луныцзюнь покачал головой и тихо вздохнул:

— Ну и ну... Ты только посмотри на себя.

В его голосе сквозило мягкое укоризненное тепло, пополам со щемящей нежностью и едва уловимой обречённостью.

Опустив пиалу на стол, Цин И потупился и едва слышно пробормотал:

— Простите...

— Полно тебе. Ешь, пока не остыло.

— Хорошо.

В этот момент в павильон поспешно вошёл Мань Юэ.

— Ваше высочество, учитель, шигун прибыл!

Следом за мальчиком на пороге Павильона появился сам Сяо Яньи.

— Старик приветствует ваше высочество, — поклонился старый врачеватель.

— Оставьте церемонии, господин Сяо, — поднял руку принц.

— Ваше высочество, у меня есть приватный разговор с Юань-эром.

— Разумеется. Не стану вам мешать, — кивнул Цюй Луныцзюнь.

— Благодарю, ваше высочество. Доброго пути.

Как только шаги принца затихли за порогом, Сяо Яньи повернулся к мальчику:

— Мань Юэ, оставь нас.

— Слушаюсь, шигун, — послушно отозвался тот и, выходя, тихонько притворил за собой дверь.

Цин И, до этого сидевший как на иголках, поспешно поднялся и неловко устоялся на остывающий бульон. Сяо Яньи испустил едва слышный вздох и опустился на свободный стул.

— Садись и ты.

— Старейшина... — Цин И замялся, не в силах подобрать нужные слова.

— Эх... — протянул лекарь. — Я всю жизнь посвятил медицине и не стану утверждать, будто не верю в подобные невероятные вещи. Скажи мне только одно: что на самом деле случилось с моим Юань-эром?

Цин И прикусил губу.

— Полагаю... молодой господин Е принял яд ещё до того, как его привезли во дворец.

— Что ты имеешь в виду? — Сяо Яньи от удивления подался вперёд.

— Это очень вероятно. К сожалению, доказать свои догадки я не могу.

— Воля небес... Ох, воистину таков их предначертанный удел.

— Что вы хотите этим сказать?

— Принц поведал мне, что твоя душа явилась из иного мира.

— Так и есть.

— И там ты тоже занимался врачеванием?

— Да.

— Я мельком просмотрел записи, которые ты оставлял. Твои методы разительно отличаются от всего, чему учили меня. Это и есть медицинское искусство твоего мира?

— Да, именно так.

— Что ж... Это хорошо. Весьма недурно.

— Старейшина, я не совсем понимаю, к чему вы клоните.

— Каковы твои планы на будущее?

— В прошлой жизни я только лечил людей. Боюсь, здесь я тоже ни на что иное не гожусь.

— Замечательно. В таком случае... не желаешь ли ты отправиться со мной в Пиньян?

— Что?.. — выдохнул Цин И.

Такое предложение казалось невероятной удачей. Ещё недавно он из кожи вон лез, пытаясь отыскать лазейку и вырваться на волю. Встретить он старого лекаря в первые дни своего пребывания в этом теле — согласился бы без тени сомнения, бросил бы всё и умчался вслед за ним на край света. Но теперь...

Цин И молчал, терзаемый внутренними противоречиями. Сердце предательски сжалось.

Как только в твоей жизни появляется тот, кто тебе дорог, ты неизбежно обрастаешь невидимыми путями. Появляются сомнения, страхи и нерешительность.

— Я не требую ответа сию минуту, — мягко проговорил Сяо Яньи. — Подумай хорошенько. Мои двери в Пиньяне всегда для тебя открыты. Годы берут своё, странствовать по свету мне уже не под силу. Сейчас мой удел — покой и забота о местных жителях. Но ты... Твой путь иной. У тебя совсем другое будущее.

— Я благодарен вам за доверие, старейшина, но...

— Небесное предначертание, ни дать ни взять, — старый лекарь вновь тяжело, сокрушённо вздохнул. — Юань-эр был моим лучшим, самым талантливым учеником... — Он умолк, не став добавлять очевидного: этот талант угас по прихоти принца. — Меньше всего я хочу, чтобы ты повторил его судьбу. Тайны императорского дома — не то, во что дозволено совать нос простым смертным. Ты чужак здесь, а распрям между Его Величеством и Ваном Чжао уже много лет. Я вижу твой редкий дар и просто не могу позволить тебе сгореть в этом пламени.

— Я почту за честь учиться у вас, старейшина. Но завтра мы отправляемся на осеннее жертвоприношение в Пещеру Семи Ли. Я дал обещание принцу...

— Осеннее празднество... — Сяо Яньи задумчиво погладил седую бороду, и взгляд его сделался пасмурным. — Послушай моего совета: тебе лучше не...

Он осёкся. Перед ним было лицо его безвременно ушедшего ученика Е Юаня, но в глазах этого юноши горел совершенно иной, незнакомый огонь. Возможно, этот человек сможет изменить предначертанное? А возможно, его ждёт тот же финал. Всё в подлунном мире подчинено невидимым законам судьбы. Подумав об этом, старик покачал горько головой и проглотил так и не сказанные слова предостережения.

— Осенний выезд? С ним что-то не так? — заметив его нерешительность, встревожился Цин И.

— Скорее всего, это лишь пустые страхи старика. Как твоё настоящее имя?

— Цин И. «Цин» — как чистая вода, «И» — как стойкость.

— Славное имя.

— Старейшина, всё-таки этот выезд... — Цин И попытался настоять на своём. Старый лекарь долго служил при дворе и наверняка ведал о скрытых течениях, о которых сам он даже не догадывался. Когда Цюй Луныцзюнь настойчиво предложил ему поехать вместе, у него уже тогда закрались смутные подозрения.

— Время позднее, тебе нужно отдохнуть перед дорогой, — Сяо Яньи поднялся со стула, мягко пресекая расспросы. — Если решишься — жду тебя в Пиньяне.

— Благодарю вас, старейшина. Провожу.

После ухода лекаря аппетит пропал окончательно. Остывающий бульон больше не манил своим ароматом. Цин И прекрасно понял, что старик не договорил что-то очень важное. Он посмотрел в окно на клонящуюся к закату луну.

Осенний выезд... Что же он принесёт?

Утром Цин И проснулся со смутным ощущением, будто видел сон. Ему грезилось, что у подножия неприступной, уходящей в самые облака городской стены он повстречал бессмертного небожителя. Тот раскинул за спиной огромные крылья и, оседлав туман, в мгновение ока перемахнул через преграду. Цин И уставился на полог кровати и горько усмехнулся собственной фантазии. Он повернулся на бок и вдруг почувствовал, как под ребро больно врезалось что-то твёрдое.

Ах да. Что это за странная безделушка?

Он вытащил из-под себя кусок черной яшмы и принялся вертеть его в руках. Форма у безделушки была причудливой: полукруг с неровными очертаниями, с одной стороны гладкий срез, с другой — дуга, а посередине аккуратный паз, словно эта деталь должна была соединяться с другой половиной. Поверхность покрывали странные, угловатые шероховатости.

Цин И поднёс черную яшму к глазам, рассматривая её на просвет. Письмена? Не похоже. Узоры? Слишком хаотичные. Быть может, это даосский талисман заклинателей? Да уж, вещицы бессмертных всегда выглядят чудно. Он хмыкнул про себя. Внутри глубокого желобка виднелся налёт какого-то бурого вещества. Цин И осторожно ковырнул его ногтем и поднёс к носу.

Кровь.

Конечно. Вчера ночью у стены... Как он там? Тот раненый незнакомец? Жив ли ещё? Какое мне вообще дело до случайного встречного? Своих забот хватает.

— Мань Юэ!

— Я здесь, учитель.

— Приготовь мне ванну.

С этими словами Цин И небрежно бросил черную яшму на столик.

— Сейчас всё сделаю.

— Мань Юэ, а где... господин Сяо? То есть, наш шигун?

— Он уехал.

— Уже?

— Едва рассвело, он откланялся перед принцем и отправился в путь.

— Вот как...

Цин И перевёл взгляд на простую деревянную заколку, лежавшую на зеркальном столике. В конце концов, каждый сам выбирает, как ему жить. Кто-то рвётся к славе и богатству, кто-то предпочитает вольную жизнь среди лесов и гор — никто не вправе судить чужой выбор.

«Но всё же, Е Юань, мне бы так хотелось узнать: правильный ли выбор я совершил вчера ночью? Даже когда я решил остаться, в моей душе всё ещё копошились сомнения. Разум твердил, что побег подарит мне свободу и смысл, но какая-то неведомая сила заставила меня остаться. Наверное, мне просто жизненно необходимо найти ответы на свои вопросы».

— Учитель, вода готова.

— Хорошо... Мань Юэ.

— Да, учитель?

Цин И взял деревянную заколку и убрал её в самый дальний ящик шкатулки.

— С сегодняшнего дня приготовь мне другую заколку.

Подготовка к завтрашнему выезду на охоту в Пещеру Семи Ли шла полным ходом. В поместье царила суматоха. Цин И весь день просидел в павильоне, пытаясь читать и делать выписки, но мысли его витали далеко. Даже после обеда принц так и не появился. Не выдержав томительного ожидания, он захлопнул книгу, потянулся и решил немного прогуляться, чтобы развеяться.

— Мань Юэ, где здесь можно спокойно пройтись?

— Ступайте на Помост Наблюдения за Источником, учитель. Там очень тихо и красиво.

— Хорошо. Завари мне туда хорошего чаю.

— Будет исполнено!

Дорога вела через усадьбу. Слуги, сновавшие туда-сюда с узлами и снаряжением, при виде юноши почтительно кланялись и приветствовали его как молодого господина Е. После того как Цин И в пух и прах разгромил главного повара Чжоу Дагуаня в кулинарном поединке, отношение к нему в усадьбе резко изменилось. Больше никто не смел шептаться за спиной, будто лекарь Е держится при дворе исключительно благодаря своей смазливой внешности.

Неторопливо обмахиваясь веером, он шёл по длинной крытой галерее. Тёплое золото осеннего солнца мягко ложилось на деревянный настил, лёгкий ветерок доносил сладкий, дурманящий аромат цветущего османтуса. Сквозь колышущуюся листву деревьев на вершине искусственной горки уже виднелась изумрудная глазурованная черепица Помоста Наблюдения за Источником.

День выдался на редкость погожим. Цин И с наслаждением вдохнул чистый воздух, как вдруг откуда-то издали донеслись переливы струн гуцзиня. Он замер у края галереи, прислушиваясь. После громоздких и вычурных мелодий современного мира эти чистые, безыскусные древние мотивы трогали до глубины души.

— Мань Юэ, кто это играет в усадьбе?

— Ну... это... — мальчик неловко почесал затылок, явно избегая прямого ответа.

Цин И лишь усмехнулся и продолжил путь. Миновав поворот, он вышел сквозь круглые ворота в сад, где его взору открылся просторный пруд. Солнечные блики весело играли на воде, а звуки инструмента здесь слышались куда отчётливее. Мань Юэ сзади так и эдак пытался привлечь его внимание:

— Учитель, постойте, там...

— Что такое? — Цин И даже не замедлил шаг, лишь удивлённо оглянулся на слугу.

— Да так, ничего... — пробормотал мальчик, не зная, как объяснить. Ведь прежний его наставник никогда бы не совершил подобной оплошности.

Прежде чем Мань Юэ успел договорить, вымощенная известняком дорожка вильнула в сторону и упёрлась в раскидистый османтус. Под сенью дерева, склонившись над инструментом, сидела женщина. На её голове высился роскошный венец, украшенный шпильками и жемчугом, дорогие парчовые одежды переливались на солнце, а позади преданно стояла служанка.

Цин И замер как вкопанный. Если в этом поместье женщина позволяла себе носить столь роскошные наряды, вывод напрашивался один — перед ним законная супруга принца, принцесса-консорт Чжао.

«Проклятье, я совсем позабыл о её существовании! Неудивительно, что Мань Юэ так отчаянно пытался меня остановить».

Положение было хуже некуда. Цин И никогда не питал к этой женщине никаких чувств — для него она оставалась чужой, но оказаться лицом к лицу в столь уединённом месте... Ни пройти мимо, ни скрыться. Он попытался тихо сделать шаг назад, намереваясь убраться подобру-поздорову, пока его не заметили. Но стоило ему развернуться, как музыка резко оборвалась.

— Надо же, молодой господин Е настолько упивается милостью его высочества, что напрочь позабыл о правилах приличия и уважении к старшим? — раздался за его спиной ледяной, высокомерный голос.

Цин И досадно поморщился и остановился. Мань Юэ тут же рухнул на колени, бледнея от страха. Делать было нечего. Повернувшись к принцессе, юноша изобразил вежливый поклон:

— Е Юань приветствует принцессу-консорт.

— Хм! — презрительно фыркнула госпожа Лянь. — Избавьте меня от ваших поклонов, молодой господин Е, мне они не нужны. Вы теперь у нас птица важная, любимец его высочества. До меня дошли слухи, что вчера вы изволили капризничать до самой полуночи, изводя весь дом своими причудами.

Цин И мысленно вздохнул. Ох уж эти придворные дамы... Очевидно, сегодня она не упустит случая излить на него весь свой яд. Как теперь отделаться от неё? Спорить с ревливой женщиной — пустая трата времени.

— Его высочество души в вас не чает, — продолжала принцесса, издевательски прищурившись.
— Что ж, я женщина великодушная. Хотя вы и безродный лекаришка, я сама поговорю с супругом и предложу ему взять вас в дом официальным наложником. Будем звать друг друга сёстрами, как вам идея?

Она издевательски рассмеялась, прикрывая рот изящным веером. Её служанка Сян Цяо тут же подхватила смех хозяйки, угодливо согнувшись пополам и одаривая Цин И презрительными взглядами.

Настоящий Е Юань был человеком гордым и ранимым, и в груди Цин И против воли вскипела глухая ярость. Он не хотел ссориться с этой женщиной лишь потому, что в глубине души считал её глубоко несчастной, а вовсе не из страха. Но её слова перешли все границы. Тот, кто пытается растоптать чужое достоинство ради умирения собственной злобы, не заслуживает ни жалости, ни прощения.

— Какая же вы жалкая, — тихо, но отчётливо произнёс Цин И, выпрямляясь во весь рост.

Он посмотрел на неё сверху вниз ледяным взглядом. Каким бы безупречным ни было лицо этой женщины, сейчас в его глазах она выглядела уродливой и глубоко отвратительной.

— Что ты сказал?! — задыхнулась от возмущения принцесса.

Она ожидала, что фаворит вспылит или позорно сбежит в слезах. Но эти слова вонзились в неё, словно раскалённый клинок, ударив по самому больному месту.

— Наглец!

— Дерзость! — взвизгнула стоявшая рядом Сян Цяо, брызжа слюной.

Их визг окончательно испортил Цин И настроение. Препираться с ними было ниже его достоинства. Ожёгши служанку ледяным взглядом, он вновь повернулся к принцессе:

— Я сказал, что мне вас искренне жаль. Не расслышали? Могу повторить. Вы жалки. До глубины души жалки.

В его голосе и осанке сквозила такая властная сила, какой у прежнего безвольного Е Юаня никогда не водилось. Ошеломлённая и разъярённая госпожа Лянь задрожала всем телом.

— Ах ты... — она замахнулась, намереваясь отвесить ему хлёсткую пощёчину.

Цин И даже не шелохнулся. Он перехватил её руку на полпути, намертво зажав тонкое запястье в пальцах.

— Распускать руки вздумали? Вы не имеете на это никакого права.

— Отпусти! Как ты смеешь, паршивец! — забилась в его хватке принцесса.

— Стража! — истошно завопила служанка. — На помощь! Убивают! Изверг покусился на жизнь принцессы!

Цин И усмехнулся и отшвырнул руку госпожи Лянь.

— Зови, зови громче. Пусть все слуги сбегутся посмотреть на то, во что превратилась их великая госпожа.

Служанка мгновенно прикусила язык. Тем не менее, на крики уже спешил патруль стражников. Завидев издалека лекаря Е, воины нерешительно застыли на месте, не смея вмешиваться в чужие распри и лишь боязливо наблюдая со стороны.

— Мужчины терпеть не могут таких, как вы, — Цин И сделал шаг вперёд, заставив принцессу отшатнуться. — Вы ведь ни на что не способны, кроме как исходить ядом от ревности да строить свои жалкие козни. Принцесса-консорт! Звучит гордо, верно? А на деле — обыкновенная вещь, нужная лишь для продолжения рода. У вас вообще осталось хоть капля гордости? Хоть немного самоуважения? Сидите тихо в своих покоях и не лезьте ко мне, тогда я и помнить о вас не буду. Но если решите устроить здесь ад — уверяю, я устрою его вам лично.

Он резко развернулся к притихшему слуге:

— Мань Юэ, уходим.

— Да, учитель! — звонко отозвался мальчик, мигом вскочив на ноги.

Застывшие неподалёку стражники поспешно расступились, освобождая дорогу. Цин И с ледяным лицом зашагал прочь. Позади него, тяжело дыша от бессильной ярости, остались стоять расхристанная принцесса и её перепуганная служанка. Провожающий их взгляд госпожи Лянь был полон такой ненависти, что казалось, разорви она сейчас юношу на куски — и того ей было бы мало.